

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (31), 2025.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-266-299>

<https://elibrary.ru/QECPYF>

© 2025. *Петр Дружинин*

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук, Москва, Россия*

Первая в СССР диссертация о Достоевском и ее автор: К биографии П.П. Жеглова (1901–1941)

© 2025. *Petr A. Druzhinin*

*V.V. Vinogradov Institute of Russian Language
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The First Soviet Dissertation on Dostoevsky and Its Author: Towards a Biography of Piotr Zheglov (1901–1941)

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

Аннотация: В статье публикуются неизвестные материалы о литературовед П.П. Жеглове, с именем которого связана первая защищенная в СССР диссертация о творчестве Ф.М. Достоевского. Многочисленные архивные источники позволяют восстановить биографию этого забытого историка русской литературы, родившегося в Хабаровске и участвовавшего в Гражданской войне, воевавшего в армии А.В. Колчака, а в начале 1930-х годов приехавшего в Ленинград для изучения русской литературы. Поступив в аспирантуру Ленинградского Института истории, философии и лингвистики, П.П. Жеглов написал под руководством профессора Н.К. Пиксанова диссертацию на тему

«Творчество Достоевского 1840-х годов», защитив ее в 1936 году. Публикуются тезисы этой диссертации, отзыв о ней А.С. Долинина, материалы кандидатского диспута; особенно отмечено наиболее важное научное достижение П.П. Жеглова — анализ литературных взглядов петрашевцев по запрещенному цензурой Словарю Н.С. Кириллова. Особое внимание в статье уделяется научным контактам П.П. Жеглова в годы написания диссертации, прежде всего, с другим малоизвестным исследователем творчества Ф.М. Достоевского — Г.О. Берлинером; в этой связи представлены материалы литературной критики середины 1930-х годов, отражающие различные отношения к личности Ф.М. Достоевского и его творческому наследию, неминуемо влиявшие на П.П. Жеглова и отражение им творчества Ф.М. Достоевского. Очерчен дальнейший творческий путь П.П. Жеглова — увлечение творчеством М.Е. Салтыкова-Щедрина, написание докторской диссертации, а также неудачная попытка вступления П.П. Жеглова в члены ВКП(б). Жизнь литературоведа прервалась в 1941 году, когда он погиб при обороне Ленинграда.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, П.П. Жеглов, Г.О. Берлинер, А.С. Долинин, Н.К. Пиксанов, диссертации.

Для цитирования: Дружинин П.А. Первая в СССР диссертация о Достоевском и ее автор: к биографии П.П. Жеглова (1901–1941) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 266–299. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-266-299>

Information about the author: Petr A. Druzhinin, PhD in History, Senior Research Fellow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Volkonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

Abstract: The article publishes previously unknown materials about the literary scholar Piotr Zheglov, whose name is associated with the first dissertation on the works of Fyodor Dostoevsky defended in the USSR. Numerous archival sources make it possible to reconstruct the biography of this forgotten historian of Russian literature, who was born in Khabarovsk, participated in the Civil War, fought in the army of A.V. Kolchak, and in the early 1930s came to Leningrad to study Russian literature. After entering the graduate program of the Leningrad Institute of History, Philosophy, and Linguistics, Piotr Zheglov, under the supervision of Professor N.K. Piksarov, wrote a dissertation on “Dostoevsky’s Works of the 1840s,” which he defended in 1936. This article publishes the theses of that dissertation, A.S. Dolinin’s review of it, and the materials of the candidate’s defense. Special emphasis is placed on Zheglov’s most important scholarly achievement—his analysis of the literary views of the Petrashevsky Circle, based on N.S. Kirillov’s *Dictionary*, which had been banned by the censors. Particular attention is given to Zheglov’s scholarly contacts during the years of writing his dissertation, especially with another little-known researcher of Dostoevsky’s works, G.O. Berliner. In this connection, materials of literary criticism from the mid-1930s are presented, reflecting the diverse attitudes toward Dostoevsky and his creative legacy, which inevitably influenced Zheglov and his interpretation of Dostoevsky’s works. The article also outlines Zheglov’s further scholarly path, his interest in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin, the writing of his

doctoral dissertation, and his unsuccessful attempt to join the All-Union Communist Party (Bolsheviks). The life of the literary scholar was cut short in 1941, when he was killed in the defense of Leningrad.

Keywords: Dostoevsky, Zheglov, Berliner, Dolinin, Pksanov, dissertation.

For citation: Druzhinin, P.A. "The First Soviet Dissertation on Dostoevsky and Its Author: Towards a Biography of Piotr Zheglov (1901–1941)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (31), 2025, pp. 266–299. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-266-299>

Имя историка литературы Петра Петровича Жеглова сегодня полностью забыто, не упоминается ученый и в связи с изучением творчества Ф.М. Достоевского [Белов, 2011]. Тем не менее, именно этот исследователь защитил первую в СССР диссертацию о писателе, а подробности его биографии, которые удалось восстановить на основании архивных источников, рисуют нам фигуру самобытную и даже уникальную. При этом, жизненный путь П.П. Жеглова, оборвавшийся на полях сражений Великой Отечественной войны, представляется нам портретом целого поколения, которое вошло в науку после 1917 года.

Для изложения значительной части фактов мы предоставим слово самому П.П. Жеглову: его свидетельства, отложившиеся в различных архивохранилищах, оказываются порой настолько информативными, что их пересказ представляется нам излишним. Прежде чем представить обзор научной его деятельности, приведем текст автобиографии от 2 мая 1939 года¹ из личного дела П.П. Жеглова в бывшем Ленинградском партархиве, представляющей нам революционное отрочество будущего ученого. Приведенный вариант автобиографии оказывается самым полным из выявленных в процессе архивной эвристики².

АВТОБИОГРАФИЯ

Жеглова Петра Петровича

Родился в июле 1901 года в г. Хабаровске Дальневосточного края. Отец мой работал слесарем, помощником машиниста <парохода>, машинистом. Мать вела домашнее хозяйство. Из трех сыновей я был младшим. Лет 12-ти ушел от отца и стал работать маркировщиком в артели грузчиков. Зимой учился в начальной школе.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1 – 91. Д. 723308. Л. 3 – 4об. Автограф.

² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 7 (11 июля 1936 г.); ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1 – 91. Д. 723308-А. Л. 3 – 4об (17 июня 1940 г.).

Петр Петрович Жеглов, фото 1940 года (ЦГАИПД СПб)
Pyotr Petrovich Zheglov, a photo from 1940 (TsGAID SPB)

В революцию 1917 года учился в высшем начальном училище. С весны 1918 года стал работать на Дальсельмаше вечером, а днем учился. В июле вернулись братья Николай и Сергей из партизанского отряда, тоже поступили на завод. В Хабаровск вступили японцы. Я жил со старшим братом у <И.К.> Колыбина, где была явочная квартира большевистской организации завода (я тогда этого не знал). Осенью 1919 года организация была арестована, в том числе оказался арестован мой брат и я. Брату удалось бежать по пути в тюрьму, а меня посадили. 18 ноября 1919 года я был сдан воинскому начальнику и зачислен рядовым во 2-й местный батальон в урочище Славянка. Прибыл туда в начале декабря. Оружия не дали, если не считать берданок без патронов, батальон весь был сформирован из пленных партизан, арестованных рабочих, крестьян, замеченных в помощи партизанам. В начале января дошла весть о разгроме Колчака, о волнениях во Владивостоке. Решили идти во Владивосток. Японцы отняли у нас и берданки, но отряд ушел. Шли двести верст по льду Амурского залива. 27 января 1920 года прибыли во Влади-

восток, там уже была свергнута власть Колчака и нас влили в 1-й Советский полк. Большевицкая организация во главе с <С.Г.> Лазо, <А.Н.> Луцким и <В.Н.> Сибирцевым очищала Владивосток от белобандитов, организовывала советские органы власти. Я назначен был начальником караула гауптвахты, а затем был начальником охраны Госбанка.

4 апреля 1920 года в бою с японцами был контужен и взят в плен. Раненых отправляли в госпитали и я лечился два месяца. В июне грузчики перебросили меня в Хабаровск. Поступил учиться в педтехникум. Осенью 1921 года отряды белых опять повели наступление на Хабаровск, <я> ушел в партизанский отряд <И.П.> Шевчука. Участвовал в боях под Волочаевкой, а в марте 1922 года был в Хабаровске. Обмороженный лечился около двух месяцев.

Осенью 1922 года опять стал учиться в педтехникуме и окончил его в 1924 году.

Осенью 1924 года был взят на службу в Красную Армию, служил бойцом, комвзвода, а в 1925 году был демобилизован как одногодичник.

С этого года работал преподавателем сначала в школе, а потом в педтехникуме.

В 1932 году уехал в Ленинград, чтобы отдаться научной работе, о которой мечтал всю жизнь. Поступил в аспирантуру в 1932 году и окончил ее в 1935 году. В Хабаровске остались два старших брата. В 1932 году они работали на Дальсельмаше — Николай начальником пожарной охраны, Сергей — литейщиком. Николай — член ВКП(б). Переписки с ними с 1932 года не веду.

Несмотря на захватывающую революционную биографию, П.П. Жеглов постоянно старался учиться, долгие годы совмещая учебу с преподаванием в школе³. В 1920 году он возвращается из Владивостока в Хабаровск и поступает там в педагогический техникум, в котором учится до ноября 1921 года, затем в сентябре 1922 года продолжает обучение и заканчивает его в сентябре 1924 года. После демобилизации, в октябре 1925 года, он начинает свое педагогическое поприще и до сентября 1930 года работает словесником в железнодорожной школе № 1 г. Хабаровска, а с сентября 1930 по

³ Сведения об образовании и работе почерпнуты из личных листов (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1 – 91. Д. 723308. Л. 5 – 6об; там же. Ф. Р-1728. Оп. 1 – 91. Д. 723308-А. Л. 5 – 6об; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 4 – 5об).

сентябрь 1932 года преподает русский язык и литературу в Хабаровском строительном техникуме. Заочно, преодолевая трудности, он получает высшее образование — в 1928 году поступает во 2-й МГУ, а в 1931 году получает диплом Дальневосточного университета. Еще в 1929 году умер его отец, а в 1932 году, после смерти матери, П.П. Жеглов подает документы в аспирантуру ЛИФЛИ и навсегда покидает Дальний Восток.

Летом 1932 года он поступает в очную аспирантуру Литературного факультета ЛИФЛИ по специальности «Литература XIX века», и с 18 ноября приступает к занятиям; его руководителем в аспирантуре становится профессор, член-корреспондент АН СССР Н.К. Пиксанов; закончил П.П. Жеглов курс аспирантуры 15 октября 1935 года, выполнив весь учебный план⁴. Ко времени окончания аспирантуры П.П. Жеглов указывает владение иностранными языками — немецким (читает, может объясняться) и французским (читает, переводит со словарем). О том, кто более всего повлиял на изучение П.П. Жегловым творчества Ф.М. Достоевского, мы скажем ниже.

Наиболее же существенным вкладом П.П. Жеглова в филологическую науку стала его диссертация о раннем творчестве Ф.М. Достоевского, которая была завершена к началу 1936 года. Еще в процессе ее написания, при широком и тщательном изучении источников, П.П. Жеглов внимательно рассмотрел и знаменитый словарь Н.С. Кириллова, вышедший под редакцией В.Н. Майкова (вып. 1-й, 1845) и М.В. Буташевича-Петрашевского (вып. 2-й, 1846) [Добровольский, 1962, с. 43–35]; именно на основании статей словаря сделал важные наблюдения о литературных воззрениях петрашевцев. Несмотря на серьезность этого открытия, опубликовать его П.П. Жеглов долго не мог: в 1935 году он отправил рукопись статьи «Литературные взгляды петрашевцев» в московский журнал «Литературный критик», но изменение отношения к Ф.М. Достоевскому, обозначившееся наиболее явно на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, не дало осуществиться этой публикации (рукопись статьи сохранилась в материалах журнала⁵). И только осенью 1939 года удалось напечатать эту статью в сборнике кафедры

⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 29.

⁵ РГАЛИ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 119. Л. 1 – 57; машинопись.

русской литературы филологического факультета ЛГУ, вышедшем под редакцией Г.А. Гуковского [Жеглов, 1939].

После окончания аспирантуры, с сентября 1935 года, П.П. Жеглов получает место доцента на Педагогических курсах Ленинградского областного отдела народного образования, одновременно продолжая работу словесника. В качестве школьного педагога он продолжал преподавание в спецшколе № 29 Ленинского района (часть современного Адмиралтейского района), подшефной школе Первого Ленинградского артиллерийского училища имени Красного Октября, в которой готовились кадры будущих кадровых офицеров. В числе преподавателей школы были даже профессора; в 1938 году в газете «Известия» был помещен очерк о школе, в котором упоминалось и о словесниках: «29-я специальная школа стала одной из лучших школ Ленинграда. Здесь сосредоточены высококвалифицированные учителя. Русский язык и литературу преподают лучший педагог района В.А. Ершов, доцент, специалист по русской литературе XIX века П.П. Жеглов, доцент, бывший преподаватель Иркутского университета Г. Г. Берлинер»⁶.

Последнее свидетельство оказывается в контексте нашего рассказа принципиальным, потому что дает возможность связать биографию П.П. Жеглова с другим забытым исследователем русской литературы XIX века — Г.О. Берлинером, также внесшим вклад в науку о Достоевском [Никитин, 2007]. Причем связь П.П. Жеглова с Г.О. Берлинером была многолетней и продолжилась в будущем: начиная с 1939 года оба они оставили свое школьное преподавание и вместе оказались в числе доцентов Второго Ленинградского пединститута иностранных языков. Поскольку общение этих двух литературоведов выпадает и на время написания П.П. Жегловым своей диссертации, причем Г.О. Берлинер к середине 1930-х был уже сложившимся исследователем творчества Ф.М. Достоевского, позволим себе сказать об этом исследователе более подробно.

Григорий Осипович Берлинер (1899–1943), уроженец Екатеринослава, в 1918 году закончил с медалью и особым отличием по словесности 1-ю Симферопольскую гимназию, а осенью 1923 года — словесно-историческое отделение педагогического факультета Крымского госуниверситета, после был признан достойным к остав-

⁶ Завтрашние курсанты: [О преподавании в 29-й спецшколе Ленинского района Ленинграда] // Известия. М., 1938. № 89, 16 апреля. С. 3.

лению при университете. В 1924 году он писал о своих университетских занятиях:

Со второго курса я стал специально заниматься историей русской литературы, именно: историей русского театра — у А.П. Кадлубовского, Тургеневым и Толстым — у Н.К. Гудзия, методологией истории литературы — у Е.В. Петухова и С.А. Бугославского, Пушкиным у П.И. Новицкого. Кроме того, я слушал специально курсы по западной литературе у А.А. Смирнова.

В 1920 году Симферополь стал штабом Врангелевских войск, белогвардейцы жестоко преследовали крымское студенчество, и, в частности, я был сначала совершенно несправедливо лишен льготы 1-го разряда по воинской повинности, а затем арестован Врангелевской контрразведкой и посажен в тюрьму по-видимому вследствие того, что показалась подозрительной политически моя деятельность в студенческом совете. Только осенью 1920 года меня освободили. Вскоре Врангелевская авантюра закончилась разгромом их армии, и 14 ноября 1920 года Крым был занят советскими войсками. Занятия в университете прервались; я поступил на службу в Наркомпрос. С 1921 г. я последовательно занимал следующие должности: зав. отделом Крымской центральной библиотеки, секретаря отдела социального воспитания Крымпарткомпроса, инструктора учебной части в Крымской Совпартшколе; одно время руководил литературным кружком в клубе комсомола. С конца 1921-го и начала 1922 года в обстановке жестокого голода, когда люди умирали на улицах, я начал держать выпускные университетские экзамены по новой программе педагогического факультета. В течение полутора лет я сдал около сорока экзаменов, большей частью с оценкой «весьма удовлетворительно». Осенью 1923 года я окончил Университет.

Когда я был еще на втором курсе, факультетом было предложено несколько тем на конкурс для соискания медали, и по настоянию проф. Н.К. Гудзия я занимался темой «Литературная деятельность Тургенева до 1855 г.». Работа была мною написана до половины, затем прервалась вследствие ареста контрразведкой. При окончании университета я представил кандидатскую работу на тему: «Чувство природы в произведениях Льва Толстого», а затем еще работу о символизме Лермонтова⁷.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 26. Л. 60б.

В сентябре 1924 году при содействии Главнауки Наркомпроса Г.О. Берлинер был командирован в Ленинград и причислен к НИИ сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при ЛГУ, став аспирантом профессора Б.М. Эйхенбаума по секции новой и новейшей литературы. Подводя итоги первого года своей аспирантской деятельности, проходившей преимущественно в изучении творчества И.С. Тургенева, он особенно отметил следующее: «Начав работать под руководством Б.М. Эйхенбаума, я, по его совету, составил выборки из X тома полного собрания сочинений Тургенева, дополнив их соответствующими местами из писем Тургенева <...> В результате составила работа на тему: “Теоретические воззрения Тургенева”. Одновременно я работал над Л. Толстым. В связи с темой, которую дал мне мой руководитель, Борис Михайлович Эйхенбаум “Эпоха героев «Власти тьмы»”. В связи с этим я пытался разрешить теоретические вопросы о том, что такое “народная драма”, как влияет на ее композицию знание народного быта, какие стороны народного языка наиболее интересны для художника слова, какими приемами достигается образность и выразительность народной речи какое значение имеет язык для изображения характеров действующих лиц и т. д. Все эти разыскания объединились в одну работу под заглавием “Власть тьмы, как народная драма”»⁸.

И, наконец, в 1927 году Г.О. Берлинер обратился к творчеству Ф.М. Достоевского. В 1927/1928 учебном году в рамках разработки Комиссией русской литературы ИЛЯЗВ коллективной темы «Русская повествовательная литература 20–50-х годов XIX в. с социологической точки зрения» выполнил и доложил на заседании комиссии работу «Творчество Молодого Достоевского», и в том же году испытал влияние марксистской методологии, когда на смену Б.М. Эйхенбауму, его научному руководителю, пришел вооруженный марксистским методом В.А. Десницкий; как было указано в характеристике от 19 мая 1929 года по случаю окончания Г.О. Берлинером аспирантуры, «в начале своей деятельности работал под руководством “формалистов”, в ИЛЯЗВ перешел на марксистские позиции. В настоящее время вполне подготовленный марксист-исследователь»⁹. Год спустя, уже получив назначение и место в Иркутском университете, Г.О. Берлинер защитил в Государственном

⁸ СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 26. Л. 9 – 9об.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

Институте речевой культуры (преемнике ИЛЯЗВ [Дружинин, 2015]) квалификационную работу «Н.Г. Чернышевский и его литературные враги» (отзывы на нее дали В.А. Десницкий и В.Е. Евгеньев-Максимов)¹⁰. Изданная в том же году РАНИОНОм одноименная монография имела предисловие Л.Б. Каменева, что впоследствии повлияло как на судьбу книги, отправленной в спецхран [Блум, 2003, с. 355], так и на отношение современников к ее автору.

В контексте изучения Г.О. Берлинером творчества Ф.М. Достоевского представляет интерес крайне любопытный эпизод: в 1927 году зам. директора Публичной библиотеки и одновременно декан факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ, а также и директор ИЛЯЗВ Н.С. Державин получил жалобу библиотекарей: после аспиранта Г.О. Берлинера, читавшего литературу в зале периодических изданий, были обнаружены «загнутые углы» и вырез фрагмента фельетона «Замогильные записки Шатобриана»¹¹. На это аспирант в объяснительной записке указывал:

Я над Шатобрианом не работаю, работаю в данный момент над Достоевским и взял два комплекта газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1847-й и за 1848-й год (а не только за 1848-й, как сказано в заявлении) в надежде отыскать там ненапечатанные фельетоны Достоевского, кроме тех, которые опубликованы в издательстве «Эпоха» под ред. Нечаевой. Один такой фельетон действительно нашел в комплекте газеты за 1847 год, в комплекте газеты за 1848 год не нашел ничего. В отчете, поданном мною за истекший год академический год я указываю на свою работу над Достоевским, и это должно быть известно Коллегии <ИЛЯЗВ> (Журнал «Отечественные Записки» за 1848 год был мною взят для той же работы)¹².

С 1930 по 1932 год Г.О. Берлинер занимал место доцента кафедры истории русской литературы в Иркутском университете, с 1933 по 1934 год — в Самарском пединституте, затем вернулся в Ленинград, но в эти годы он неизменно занимался творчеством Ф.М. Достоевского, особенно «Записками из Мертвого дома»: в 1933 году в журнале «Каторга и ссылка» выходит его статья «Достоевский

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 268. Л. 180.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 26. Л. 34.

¹² СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 26. Л. 35.

как изобразитель дореформенной каторги», в 1934 году в очерке о В.А. Зайцеве он рассматривает деятельность журналов «Время» и «Эпоха», в 1935 году выходят два издания «Записок из Мертвого дома» с его предисловиями, в 1936 году в «Литературном наследстве» Г.О. Берлинер рассматривает Ф.М. Достоевского в статье «Литературные противники Н.А. Добролюбова», в 1937 году в Иркутске печатается его статья «Как работал Достоевский над “Записками из Мертвого дома”» [Белов, 2011, № 564, 565, 6010, 6014, 6071, 6126].

В то время, когда П.П. Жеглов работает над своей диссертацией, отношение к наследию Ф.М. Достоевского (после выступления М. Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей) заметно меняется, и по отношению к позиции Г.О. Берлинера это особенно явно: подготовленное им в 1935 году издание «Записок из Мертвого дома» в «школьной серии классиков» критиковалось за вступительную статью неоднократно, поскольку чтение произведений Ф.М. Достоевского школьниками без тщательного направляющего комментария представлялось уже вредным. Литературовед И.Р. Эйгес, разбирая предисловие, откровенно пенял Г.О. Берлинеру на неразоблачение психологизма писателя:

Нужно прямо сказать, что как ни важны для понимания Достоевского моменты некоторых его наблюдений и выводов социологического порядка, не в них заключается вся сила его художественного мышления. Протест Достоевского против дореформенной действительности, проникающий всю книгу его «Записок», имеет по существу у него морально-психологическую основу. Достоевского возмущает не самый социальный гнет, а главным образом его последствия, — то страшное уродование личности, которое порождалось классовым общественным строем. Он болезненно углубляется в это страшное, заслоняя им все. Мимо этого психологического содержания «Записок», мимо той «достоевщины», которою они все напитаны, совершенно проходит в своей статье Г. Берлинер» [Эйгес, 1936, с. 59].

Однако боле важным в тот конкретный момент оказалась не «достоевщина», а классовая сущность писателя. Хотя Ф.М. Достоевский был дворянином, факт лишения его дворянства (впоследствии возвращенного) оказывался важным в реалиях государства рабочих и крестьян. Именно в этой связи выступил журнал «Литературный критик», казалось, как будто оппонируя не только Г.О. Берлинеру,

но и громкой полемике начала 1910-х годов, когда Любовь Достоевская, дочь писателя, возразила против именованя отца разночинцем, настаивая на дворянстве [Амфитеатров, 2003]. В 1936 году этот вопрос затронул известный деятель революционного движения С.И. Мицкевич в своей рецензии с говорящим названием «Как не надо писать вступительную статью». В ней были подвергнуты разному основным положениям детгизовского издания и вступительной статьи Г.О. Берлинера. Приведем интересный нас тезис:

Из этой статьи читатель узнает, что отец Ф.М. Достоевского был врач, «дослужился до высоких чинов», получил потомственное дворянство, скопил средства частной практикой и стал владельцем имения с сотней душ крепостных крестьян, которых он жестоко эксплуатировал, за что и был убит своими крестьянами. А так как известно, что яблочко от яблони недалеко падает, то и молодой Достоевский «считал себя дворянином и помещиком». Но, продолжает автор, «ему скоро пришлось убедиться, что он оторвался от своего класса (отец его перед смертью разорился) и фактически является литературным пролетарием, в связи с чем в нем пробудились демократические настроения, выразившиеся в его романе “Бедные люди”» и приведшие «его в конце концов в кружок Петрашевского».

Итак, по мнению автора, демократизм Достоевского объясняется разорением его отца <...>. Далее оказывается, что Достоевский никогда не был революционером, о чем он сам рассказал суровому следователю, угрожавшему на допросах смертной казнью, к которой он, действительно, был приговорен. Эти показания, данные под угрозой смертной казни, считает Г. Берлинер источником, вполне убедительным и надежным для характеристики тогдашних взглядов Достоевского!

Далее оказывается, что «попав на каторгу, Достоевский шагнул вправо. Классовое сознание его обострилось: во время пребывания на каторге Достоевский больше, чем когда-либо, чувствует себя дворянином». Какие же основания для этого утверждения имеются у автора? Оказывается, об этом написал в своих воспоминаниях польский революционер Токоржевский, с которым Достоевский вместе отбывал каторгу, но с которым он разошелся и не поддерживал отношений, как об этом пишет сам Достоевский в главе VIII второй части. И вот этого упоминания для автора вполне достаточно, чтобы

приписать политическому каторжанину Достоевскому дворянскую идеологию.

Это открытие целиком принадлежит Г. Берлинеру. До него Достоевского первого периода его литературной деятельности, автора «Бедных людей», «Записок из Мертвого дома», «Униженных и оскорбленных», считали писателем, отразившим жизнь бедных людей (Белинский), «забитых людей» (Добролюбов), — но все они, оказывается, ошибались: Достоевский был идеологом дворянства. <...>

Так разоблачил до конца Г. Берлинер Ф.М. Достоевского. Из этого разоблачения с логической последовательностью вытекает дальнейшее: дворянский идеолог «Достоевский, так сказать, приукрасил каторжную действительность, то есть показал ее более интересной, занятой и забавной, чем она была на самом деле». Такую возмутительную чушь пропускает редакция во вступительной статье к школьной серии классиков! [Мицкевич, 1936, с. 228–229].

Совсем иной тон был взят летом 1936 года корреспондентом «Ленинградской правды» Е.И. Катерли, будущей известной писательницей. Разоблачая «притаившихся врагов, контрреволюционных троцкистско-зиновьевских подонков» в ленинградских издательствах, она отдельно упомянула Г.О. Берлинера: «Руководители Литиздата поручили писать предисловие к “Мертвым душам” Гоголя некоему Берлинеру, который в своей литературной карьере имеет весьма примечательный факт — к его книге писал предисловие презренный убийца Л. Каменев. Преступная невнимательность, полное отсутствие бдительности при подборе кадров — вот причина того, что в Литиздате нашли себе пристанище враги народа» [Катерли, 1936].

Именно в этот момент, когда к фигуре Ф.М. Достоевского приковано серьезное внимание литературной критики, 27 июня 1936 года П.П. Жеглов защищает на публичном диспуте в ЛИФЛИ диссертацию на степень кандидата литературоведения «Творчество Достоевского 40-х годов»; оппонентами выступили Н.К. Пиксанов, который был одновременно научным руководителем (такое «совместительство» не считалось в те годы предосудительным), и А.С. Долинин. Хотя упоминания этой работы нет в перечне диссертаций о Ф.М. Достоевском [Khan, 1998], все-таки она была зарегистрирована в указателе защит ЛГУ [Диссертации, 1955, с. 46],

однако и точная дата диспута и оппоненты устанавливаются впервые — они указаны в пригласительном билете в архиве А.С. Долинина¹³ и в аттестационном деле¹⁴. Уцелел и сам текст диссертации — экземпляр, переданный соискателем в библиотеку ЛИФЛИ, сохраняется в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ¹⁵. К защите были отпечатаны ротапринтные тезисы, один экземпляр которых уцелел в аттестационном деле. Ниже мы приводим текст тезисов, отзывов, протокола квалификационной комиссии ЛИФЛИ.

«Творчество Достоевского 40-х годов» Тезисы к диссертации¹⁶

1. Изучение творчества Достоевского не может представлять только узколитературный интерес. Национал-фашистская интерпретация мировоззрения творчества Достоевского, направленная на оправдание теории и практики фашизма, обостряет необходимость марксистско-ленинского освещения мировоззрения и творчества писателя. Первый период творчества Достоевского в этом отношении важен тем, что здесь заложены все противоречия его мировоззрения и творчества, окончательно оформившиеся в 60-х годах.

2. 40-е годы являются годами бурного развития капитализма в России. Противоречия, обнаружившиеся внутри феодального строя, резко поставили вопрос о крепостном праве. Самодержавие и феодально-охранительный блок пытались разрешить крестьянский вопрос в условиях неприкосновенности феодального государства. Крестьянство подымает восстания против феодалов. Волна крестьянских восстаний активизировала радикально-демократические течения в общественной жизни 40-х годов и обострила классовую борьбу. Выразителями настроений бунтарско-протестующего крестьянства стали Герцен и Белинский.

3. Белинский — левый гегельянец — по философским воззрениям, социалист-утопист — по общественным идеалам, демократ

¹³ ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 83. Л. 1.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 1–32.

¹⁵ Жеглов П.П. Творчество Достоевского. Л., 193[6]. — 238 с; шифр Е III 2172 (выражаем благодарность Н.Н. Бутаровой за это уточнение).

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 15–27; ротатор. Опечатки и описки оригинала исправлены без оговорок.

— по политическим убеждениям, в 40-х годах прошел сложный путь формирования своего мировоззрения. Он был неотрывно связан с борьбой критика за элементарные права народа, за свободу личности в обществе, за реалистическое изображение общественных противоречий в литературе.

Теория «разумной действительности», в которую Белинский верил в самом конце 30-х годов, была опровергнута практикой классовой борьбы, и Белинский отвергает ее, чтобы отдаться борьбе за освободительные идеи, сделать литературу и критику орудием воспитания общественного самосознания масс. Эти идеи Белинский проводил и в своем кружке. Кружок Белинского менял свой состав. В 40-х годах здесь были либералы: Тургенев, Григорович, не совсем согласные с радикальным мировоззрением критики, и радикалы, полностью разделявшие взгляды критика. Основное ядро радикалов: Белинский, Герцен, Некрасов — до конца оставались верными идеям демократизма. Эстетический кодекс Белинского был создан в борьбе за радикальное направление в литературе, за утверждение стиля художественного реализма. Гоголевское направление в литературе в 30-х — 40-х годах в России стало для Белинского отправным пунктом для борьбы за реализм.

4. Физиологический очерк был также шагом вперед по пути демократизации литературы. Общность тематики, типов, сюжетов, не исключает классовой дифференциации писателей-очеркистов. Она наметилась четко в вопросах о задаче очерка. Сенковский, Булгарин, Кукольник смотрели на это вид литературы как на развлекательное чтение, натуральное, без показа нищеты, бедности и «грязи», описание чиновников, дворников и мужиков, — как на средство юмористического описания невежества и глупости купцов.

«Финский вестник», объединивший оппозиционную группу писателей, в числе сотрудников которого были участники кружка петрашевцев (Толбин — очеркист, В. Майков — критик) помещал в специальном отделе очерки с положительными героями: купцами, приказчиками и честными коммивояжерами. На его страницах появился и этнографический очерк (по истории быта и культуры северных народов).

Белинский защищает необходимость развития очерка как одного из жанров в литературе, в котором появились мужики, дворники, мелкие чиновники, показанные без романтического и сентиментального прикрашивания<!> их жизни. Но Белинский — видит и уозость

его тематики, так как очерк не дает социальных обобщений противоречий жизни. Белинский борется за социальную повесть. Образцом социальной повести служит ему повесть Жорж Санд.

5. Социальная повесть во Франции возникла в 30-х годах и особенное развитие получила в 40-х годах. Лучшими представителями в этом жанре были Эжен Сю — идеолог либерально-филантропической буржуазии, и Жорж Санд, выражавшая идеологию радикальной мелкой буржуазии. В творчестве этих писателей отразились два пути развития социальной повести во Франции в 40-х годах.

6. Социальная повесть в России во второй половине 40-х годов. Она оформилась у писателей, которые давали реальное освещение противоречиям социальной жизни России. Если во Франции социальная повесть давала положительные образы рабочих, кустарей и крестьян и изображала несправедливость угнетения их капиталистами, то в России носителем идей угнетенной личности становится «бедный чиновник». Писатели награждают его положительными качествами, гуманными чувствами, анализируют его мировоззрение и общественные интересы.

7. Социальная повесть в России возникла из синтеза натурального очерка с сентиментально-моральной повестью. Я. Бутков впервые изображает своих героев как представителей одной социальной среды. Но он делает это не методом типического образца обобщения в образе, а публицистическим вступлением к сборнику повестей «Петербургские вершины», где противопоставляет мелких чиновников и угнетенных людей господствующему классу. Такое обобщение делает повести Буткова целеустремленными и социально едиными.

8. Салтыков-Щедрин пишет первую повесть «Противоречия» с идеей раскрытия общественных недостатков жизни и трагического положения личности. Но дать художественно убедительным образ Нагибина в этой повести Салтыков-Щедрин не сумел. Во второй повести «Запутанное дело» он дает образ человека, мировоззрение которого изменяется под влиянием анализа противоречий действительности. Герой ее, Мичулин, начиная с индивидуального протеста, переходит к социальному пониманию своего положения — угнетенной группы людей в самодержавно-феодальной России, и к революционному протесту.

9. Достоевский во второй половине 30-х годов следит за развитием русской и иностранной литературы, пытается писать драмы. В 1844–45 годах пишет роман «Бедные люди», в котором обнаружи-

вает не только художественное мастерство, но и знание творческого метода натуральной школы. Основная идея романа — протест угнетенной личности против общественного строя. Достоевский вводит в роман элементы социальных мечтаний о гармонии общественных отношений, подчеркивает трагическое положение личности в условиях тогдашнего строя России. Реализм романа и художественно убедительный образ Девушкина встретили восторженный отзыв со стороны Белинского. К 1845 году относится сближение Достоевского с Белинским.

10. Социальные проблемы в романе «Бедные люди» были созвучны взглядам Белинского на задачи художественной литературы. У Белинского окрепла мысль о возможности развития социальной повести в России подобно французской. Он подчеркивает стремление Достоевского дать образы бедноты в литературе. Чтобы закрепить общественно-политические мотивы в творчестве Достоевского, Белинский посвящает его в учение социалистов-утопистов, в философию Гегеля и атеизм. Достоевский принял учение Белинского и стал членом его кружка. Взаимоотношения Достоевского с Белинским с этого времени становятся сложными.

11. 1845 — период восторженного отношения критика к Достоевскому, увлечение новым гением в литературе. Так он встречает и «Двойника», написанного в этом же году. В «Двойнике» Достоевский подчеркивает трагический разрыв между общественной стороной жизни человека и его духовными запросами. В психологическом анализе, которым увлекся Достоевский, теряется социальный протест личности. Рамки реализма суживаются. Раскрытию тайников человеческой психологии соответствуют и романтические элементы повести, так как писатель не достиг еще формального совершенства в синтезе психологического анализа с реалистическим показом условий, его породивших. Белинский в 1846 году дает отрицательную оценку романтизму в повести «Двойник». Героя Голядкина считает не «типичным», а «единичным» явлением в жизни.

12. 1846 год — год критики Белинским произведений Достоевского: «Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин». Белинский дает положительную оценку «Бедным людям», но оговаривает недостатки в языке и стиле повести<!>; считает слабым, по сравнению с Девушкиным, образ Вареньки. В «Двойнике» Белинский видит кроме романтизма и излишнюю многословность, тягучесть

языка, хотя и подчеркивает, что это скорее от избытка таланта, а не от недостатка его. «Прохарчина» оценивает отрицательно.

12. 1847 год — год разрыва Достоевского с Белинским. В личных беседах, в рецензиях, в статьях Белинский продолжает проводить в это время идею подчинения литературы задачам общественно-политического разоблачения действительности. Повесть, как основной жанр 40-х годов, должна быть действенной, политически актуальной, тенденциозной. Художник в первую очередь должен проводить радикальные идеи в сознание масс — это задача писателя. Достоевский не согласился с таким «узким», по его мнению, назначением литературы, его привлекала постановка широких проблем анализа психологии человека. Разногласия в литературных вопросах привели к разрыву и в политическом отношении, Достоевский ушел к Краевскому, врагу Белинского; здесь же начинается и охлаждение к социальным проблемам у Достоевского, они не появились в его творчестве в 1847, 1848 годах. Достоевский ушел от Белинского в кружок петрашевцев.

14. Петрашевцы — идеологи прогрессивно-капиталистической России с демократическими тенденциями. Основная масса их была последователями Фурье. Особый интерес представляют для нас их литературные взгляды, которые не были освещены в исследованиях о петрашевцах. Словарь Кириллова в этом отношении не был изучен, а в нем есть свыше 80 статей о литературе. Анализируя их, устанавливаем: петрашевцы ведут последовательную борьбу с идеализмом и романтизмом в литературе — с интимно-личным характером творчества, с наивными жанрами, лакирующими жизнь: идиллией, пасторалью; с одой — торжественным жанром, скрывающими противоречия общественной жизни. Положительным идеалом петрашевцев является: 1) критическое отношение писателя к жизни, наличие общественной идеи в произведении, раскрытие социальных противоречий жизни с точки зрения прогрессивного мировоззрения. Идеальными писателями считаются — Шекспир в Англии и Гоголь в России, 2) литература должна быть политически активной и действенной, а писатель — пропагандистом идей в обществе. Поэтому политическая песня Беранже и его деятельность становятся образом подобного назначения литературы и писателя. Эстетический кодекс Белинского был положен в основание литературных воззрений петрашевцев.

15. Достоевский мог в кружке петрашевцев или начать пропаганду политических идей, или писать произведения с задачами разъяснения народу несправедливости общественных отношений в России. Примером такой литературы может служить очерк Григорьева «Солдатская беседа». Но Достоевский не изменил своих воззрений на литературу, а продолжал творчество в духе романтизма. В это время он написал «Хозяйку», «Слабое сердце», «Белые ночи». Момбелли справедливо упрекал Достоевского за политическую пассивность в кружке. Таким образом, Достоевский изжил свой политический радикализм после ухода из кружка Белинского, а у петрашевцев нового подъема в его мировоззрении не было.

16. 1848 и начало 1849 года — период колебаний и сомнений, окончился отказом Достоевского от участия в кружке петрашевцев, он в 1849 году посещает литературный кружок Дурова. Писатели, объединившиеся в литературном кружке Дурова, решили изгнать политику и обсуждать на своих собраниях только литературные вопросы. Разочарованный повестью «Хозяйка», пишет очерки «Рассказы бывалого человека», «Ползунков», «Елка и свадьба», но Достоевский не отказывается от мысли создать большой роман с психологическим анализом героя. Он работает над «Неточкой Незвановой». Первая часть романа<!> — история крепостного музыканта — обнаруживает способность Достоевского к синтезу психологических описаний с реалистическим обоснованием их. Но этот роман прошел незамеченным в критике, да и писать о нем нельзя было, так как автор был уже арестован как политический преступник.

17. На раннем творчестве Достоевского лежит печать больших влияний западноевропейских писателей. В «Бедных людях» заметно влияние Жорж Санд. Оно обнаруживается в утопических элементах мировоззрения Девушкина; в образе Вареньки — в элементах лиризма, мягкости ее, гуманного сочувствия угнетенным.

В «Двойнике» Достоевский заимствует двуплановость своей повести от Гофмана. В образе рассеянного и нескладного в жизни Голядкина много черт сходства с Ансельмом из «Золотого горшка» Гофмана.

Увлечение Бальзаком, перевод Достоевским его повести «Евгения Гранде» в 1843 году, который был его первым литературным трудом, отразилось на творчестве Достоевского. В «Господине Прохарчине» поражает сходство описания клада Прохарчина с сокровищами отца Горио. Много черт сходства одинокой, замкнутой,

изолированной от общества жизни Прорхарчина с жизнью Горио. Мотив скряжничества в «Прохарчине» навеян романом Бальзака. Несмотря на влияние западноевропейских писателей, все же и в 40-х годах Достоевский поражает оригинальностью своего творческого метода. Он обновляет стиль натуральной школы элементами сентиментализма, создает реалистический образ чиновника, дает анализ психологии угнетенной личности в обществе. В то же время у Достоевского было стремление уйти от постановки в литературе проблемы конкретно-исторического характера с анализом противоречий России 40-х годов. Он стремился в область постановки проблем общечеловеческого характера, морали, религии, любви, что и осуществил в дальнейшем творчестве.

18. Сложный путь общественно-политических и творческих исканий Достоевского обусловлен процессом дифференциации западного направления во второй половине 40-х годов. Общий подъем радикальных настроений в обществе: недовольство самодержавно-феодальным строем, увлечение идеями утопического социализма, сочувственное отношение к угнетенным сословиям, особенно к крепостному крестьянству, объединял в начале 40-х годов и оппозиционно-настроенных либералов, и радикальных демократов. Они боролись в одном лагере против консерваторов. Но во второй половине 40-х годов намечается среди них раскол. Он обнаружился в различии взглядов на методы изменения общественно-политического строя в России. Либералы-оппозиционеры видели возможность изменения общественного строя в реформе феодального государства без участия народа; революционеры-просветители во главе с Герценом и Белинским видели ведущую силу в крестьянстве, в его стремлениях к свободе видели залог будущих изменений общественного строя. По этой линии различия взглядов и началась дифференциация западного направления в России во второй половине 40-х годов. Процесс дифференциации западного направления отразился и на составе кружков Белинского и Петрашевского. Состав кружка Белинского 40-х годов менялся и только три человека: Белинский, Герцен и Некрасов составляли его радикальное ядро. Кружок Петрашевского распался сначала на две части: Петрашевского и Кашкина, а в 1849 году из него выделились в самостоятельный кружок писатели во главе с Дуровым; кружок Дурова решил изгнать политику и обсуждать лишь узколитературные темы.

Достоевский в 1845–47 году разделял радикальные взгляды Белинского, но после ухода из кружка Белинского в кружок Петрашевского нового подъема в мировоззрении Достоевского не было. Уход в кружок Дурова, отказ от политики, подчеркивает новое изменение политических взглядов Достоевского до дня ареста.

Отзыв Н.К. Пиксанова¹⁷.

Отзыв

о диссертации П.П. Жеглова на тему:
«Творчество Достоевского 40-х годов».

В своей работе по изучению молодого Достоевского П.П. Жеглов проявил много энергии и интереса к делу. Об этом свидетельствует и внешнее оформление диссертации: детально раскрытое оглавление-конспект, обильные тезисы, обширная, по главам распределенная библиография и т. д.

Автор вошел в специальное изучение не только Достоевского, но и всей литературной эпохи. Он хорошо знает сочинения Белинского и его переписку. Он изучил кружок Петрашевского. Он добился отчетливого знания западноевропейской литературы того времени. Тов. Жеглов дифференцирует идейное движение внутри групп Белинского и Петрашевского. В этой перспективе отчетливее выступают искания молодого Достоевского.

Особенно тщательно и по-новому тов. Жеглов изучил и изложил литературные статьи Словаря Кириллова — чего до него никто не сделал. Эта часть диссертации заслуживает скорейшего напечатания.

Полагаю, что всех этих достоинств вполне достаточно, чтобы удостоить тов. Жеглова степени кандидата литературоведения.

Однако, в работе тов. Жеглова имеются и недостатки. Прежде всего — неправильности, неточности в языке. Затем — некоторая расплывчатость в формулировках (что сказалось, например, явственно во Введении). Додумав для самого себя ту или иную мысль, автор не всегда умеет довести ее до сознания читателя. Сопоставление Достоевского с Бальзаком могло бы быть детальнее и результатнее.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 8–9. Авторизованная машинопись, подпись-автограф.

Почти совсем не разработан, в его конкретностях, стиль ранних произведений Достоевского.

Хорошо воссоздавая колебания Достоевского между группами Белинского, Петрашевского, Дурова, тов. Жеглов как-то неполно и неясно отвечает на вопрос: к какой же социальной группе примыкает Достоевский, чьи тенденции в классовой борьбе отображает он в своих ранних произведениях.

Все эти недостатки требуют исправления.

Тем не менее, признаю работу настолько удовлетворительной, что считаю ее вполне заслуживающей степени кандидата литературоведения.

Член-корреспондент Академии наук СССР Н. Пиксанов

**Отзыв А.С. Долинина,
26 июня 1936 г.¹⁸**

Отзыв

о диссертации «Достоевский в 40-х годах» Жеглова П.П.

Начну с положительных сторон.

I. Проработан огромный материал, может быть из этого материала не все самое нужное для решения поставленных в работе тов. Жеглова проблем, может быть более нужное как раз упущено; но все же этот материал, им привлеченный, так или иначе имеет отношение к его теме.

II. Производит хорошее впечатление и «диапазон», сама постановка темы на широком социальном, идейном и литературном фоне; может быть даже слишком широким: 1) писатели и публицисты, группировавшиеся вокруг Белинского (т. Жеглов все время говорит о кружке Белинского — такого кружка не было); 2) петрашевцы; 3) дается обзор журналов: «Москвитянин», «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Финский вестник»; 4) обзор литературных направлений, в частности, особое внимание уделяется физиологическому очерку, на котором, будто бы и строилась, главным образом, натуральная школа, что, конечно, неверно.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 10–14.

Как увидим дальше, далеко не все носит на себе печать самостоятельности, в еще большей степени далеко не все исследовано полно, глубоко и всесторонне, но в основном самый методический подход — я говорю методический, но не методологический — методический подход правилен.

III. Из всех этих экскурсов по периферии следует особо выделить в главе второй общественно-политические и литературные взгляды петрашевцев, вернее — одни только литературные взгляды, выделенные из «Карманного словаря» Кириллова, если только согласиться с расширительным толкованием тов. Жеглова, что взгляды в Словаре являются типичными для всех петрашевцев, а не для одного Вал. Майкова, может быть и Страндмана, авторов этих статей по литературе в Словаре. Это сомнение тем более уместно, что в сущности вряд ли Майковых можно причислить к петрашевцам в их специфической исторической роли. Недаром Вал. Майков отказался от участия во втором выпуске Словаря, вышедшем под редакцией лишь одного Петрашевского. Во всяком случае здесь за тов. Жегловым имеется научная заслуга, поскольку им впервые привлечен свежий материал, до сих пор еще не бывший в научном обороте. Правда, следует поставить вопрос: так ли уж новы и оригинальны эти литературные взгляды в Кирилловском словаре, не представляют ли они, если не перепевы, не пропаганду идей, литературных взглядов Белинского, то применение их к некоторым частным проблемам, Белинским случайно обойденным или недостаточно выпукло поставленным? Но так или иначе: исследователи должны безусловно считаться с этим новым материалом, впервые привлеченным тов. Жегловым, с этими литературными статьями в Словаре, хотя бы для того, чтобы правильнее учесть степень влияния литературных взглядов Белинского. Или вернее: так как В. Майков и есть автор этих статей, то для более углубленного анализа сходства и различия во взглядах Майкова и Белинского.

Обследование тов. Жегловым словарного материала занимает в его диссертации около 50 страниц, немногим меньше $\frac{1}{4}$ всей его работы. Это и есть то ценное, что спасает все построенное им здание.

Я познакомился с работой тов. Жеглова много месяцев тому назад, когда, к великому урону русского литературоведения, марксистский метод в литературе подменялся методом грубого социологизирования. К сожалению, тов. Жеглов за последние месяцы не успел или не смог перестроить свою работу, несмотря на мои настой-

чивые указания. Порочный метод всегда открывает широкие двери для субъективизма. Строится заранее схема и к ней подгоняется весь материал: что не укладывается в схему, то отбрасывается, факты неправильно истолковываются, это в худшем случае; в лучшем — факты не замечаются, просто пропускаются. Во всех этих грехах тов. Жеглов в значительной степени повинен. 40-е годы; классовая борьба; классы: крестьянство, крупная и мелкая буржуазия, дворянство. Каждому писателю, каждому критику нужно обязательно дать сейчас же четкую классовую позицию, хотя бы тот ее и не имел, хотя бы этот писатель переживал очень сложную эволюцию, с мучительными колебаниями, подъемами и падениями. Разумеется, Белинскому нужно дать позицию самую левую — крестьянского демократа, сразу с самого начала 40-х годов. Заодно прихватить Герцена и Некрасова. Так как Тургенев и Григорович с 50-х годов уже становятся на позиции умеренного крыла либерального дворянства, то почему бы не отделить от них Белинского, для большей хотя бы его славы, и в годы 40-е. Так как Белинский крестьянский демократ, то В. Майков, его антагонист, должен быть буржуазным демократом. Так как издателем «Современника» с 1847 года стал Некрасов, а критиком Белинский, то, конечно, «Современник» и есть журнал последовательной революционной демократии; а «Отечественные записки» с этого времени? «Отечественные записки» пусть будут журналом беспринципным. Так как Достоевский уже в 60-х годах исповедует взгляды консервативные, то дадим ему и в 40-х годах некую позицию, если еще не консерватизм, то во всяком случае тоже беспринципную; основание — он не пошел в «Современник», а остался в «Отечественных записках». Нет нужды <говорить>, что в «Современнике» участвуют в 40-х годах такие «радикалы», как Дружинин, П.В. Анненков, тот же Тургенев, Григорович, Милютин, Случевский, В. Боткин, Кавелин, и тот же В. Майков. А, с другой стороны, москвичи, в том числе и Герцен, продолжают печататься в «Отечественных записках». Схема, заранее приготовленная, с фактами не считается. Достоевский ушел от Белинского. По каким причинам? Очень удобно объяснить тем, что Достоевский отходит от позиции революционной демократии, не хочет или не может отражать в своем творчестве широкие перспективы социального протеста, классовой борьбы. Приводится факт, что Белинский требовал ввода в литературу крестьянина, и Достоевский по этому пути не пошел. И еще: Белинский требовал в литературе партийности, Достоевский и на это не был согласен. Но Белинский

вовсе никогда не отстаивал преимущества крестьянского типа — это раз, а, во-вторых, всегда был врагом тенденции; для этого он и ввел понятие о беллетристике, как о полулитературе, в общественном отношении очень полезной, но это не искусство. Достаточно прочитать его рецензии на Тургенева и «Деревню» Григоровича. Но как быть с тем, что Достоевский ушел из кружка «Современника» вовсе не вправо, а к петрашевцам? И кто такие петрашевцы, какова их политическая позиция? Петрашевцы вообще самое слабое место в диссертации. Страницы, им посвященные, поверхностны. Тов. Жеглов утверждает, что у них не было четких форм борьбы — это с одной стороны, а с другой — они еще настойчивее, чем Белинский, требовали от писателя тенденциозности. Но ни первое положение, ни второе, несмотря на всю их противоположность, абсолютно неверны, как неверно и то, что кружок Дурова, отделившийся от общества петрашевцев, в состав которого входил Достоевский, был самый правый. Как же было на самом деле? Герцен о петрашевцах: они воинственные безбожники, истинные революционеры. Что же касается кружка Дурова, то характерен прежде всего его состав: 1) Момбелли и Львов — они же авторы проекта тайного общества с такими двумя пунктами: а) принимать только республиканцев, б) карать смертной казнью за измену; 2) Филиппов — автор «Десяти заповедей», рассчитанных на религиозное крестьянство, с целью доказать, что сам бог освобождает от присяги и верности царю, если царь не заботится о подданных; 3) Григорьев — автор «Солдатской беседы», распространенной прокламации для войска; 4) Головинский, который резче и последовательнее чем другие, стоял за освобождение крестьян хотя бы путем восстания; 5) во главе кружка стоял Спешнев, к которому сходятся все нити, человек, о котором Плещеев отзывался, что он единственный среди петрашевцев, у которого слово с делом не расходилось. Он же автор проекта печатания нелегальной литературы за границей. Петрашевский за судебную реформу в первую очередь; дуровцы — за освобождение крестьян. Роль Достоевского в кружке Дурова, вернее: Спешнева, весьма активная. Об этом свидетельствует Григорьев, об этом же свидетельствует письмо Майкова к де-Пуле, об этом же — близость Достоевского со Спешневым; об этом же и сам Достоевский: был заговор, мы верили, что крестьянство за нас. Европейцы о дуровцах: они были левее нас и т. д. — Так приходится констатировать, что тема «петрашевцы» разработана тов. Жегловым поверхностно, схематически. Не лучше

обстоит дело с другим кардинальным вопросом диссертации: с Белинским. Эволюция его воззрений 40-х годов не прослежена; границы между периодами утопического социализма и критического к нему отношения не установлены; литературные его взгляды намечены слишком общё; реализм, как литературное понятие, и его взгляды в плоскости общественно-политической смешиваются воедино. Творчество Белинского вообще использовано чрезвычайно скупо. Что же касается центральной темы диссертации: «Творчество Достоевского в 40-х годах», то она разработана слабее других. Влияние, например, Гофмана совершенно не учтено; Бальзак и Жорж Занд задеты лишь мимоходом. То же касается и русской литературы 40-х годов; за исключением «физиологического очерка», она тоже совершенно не освещена, получается творчество Достоевского в каком-то безвоздушном пространстве. Да и эволюция колебания самого Достоевского тоже освещены весьма недостаточно. Подвергаются анализу только «Бедные люди» и «Двойник»; о «Хозяйке» говорится словами общими, как о произведении романтическом, с наивной уверенностью, что раз романтическое, то обязательно ничего характерного для эпохи в нем не отражается. Другие же произведения: «Слабое сердце», «Белые ночи», «Честный вор», «Ползунков» и т. д. вовсе не принимаются во внимание, как не принимается во внимание и то, что «Хозяйка» была осуждена самим автором. Следовало бы также пристальнее вдуматься и в фельетоны Достоевского, в одном из которых он как раз становится на сторону Белинского, а не Майкова, и это уже после ссоры с «Современником». Так сказался на диссертации дурной метод голого социологизирования.

Вывод. Однако, несмотря на все указанные недостатки, работу тов. Жеглова можно все же признать удовлетворительной по следующим мотивам:

1) Проработан очень большой материал, что доказывает добросовестность диссертанта.

2) В диссертации обнаружено неплохое знание, если не эпохи в целом, то во всяком случае целого ряда моментов.

3) Во второй главе обследование и вовлечение в научный оборот совершенно нового материала из Словаря Кириллова. Эта часть, правда, после довольно серьезных исправлений, может быть рекомендована к печати.

26 июня 1936 г.

А.С. Долинин

ПРОТОКОЛ¹⁹

публичной защиты диссертации П.П. Жеглова «Творчество Ф.М. Достоевского 40-х годов» на ученую степень кандидата литературоведческих наук, состоявшейся 27 июня 1936 года в ЛИФЛИ.

Председатель: академик А.С. Орлов

Члены квалификационной комиссии: член-корреспондент Академии наук — проф. Н.К. Пиксанов и проф. А.С. Долинин.

Присутствовало 50 человек научных сотрудников, аспирантов и студентов.

Председатель зачитывает автобиографию диссертанта.

Председатель предоставляет слово для разъяснения тезисов П.П. Жеглову.

Тов. Жеглов ограничивает свою тему эпохой от 1830 по 1848 г., причем он останавливается не только на факторах русского историко-литературного процесса, но привлекает также материал западноевропейской литературы. Тов. Жеглов выражает глубокую признательность за помощь в работе своему индивидуальному руководителю проф. Н.К. Пиксанову. Затем П.П. Жеглов переходит к изложению и разъяснению тезисов своей диссертации (подробнее смотри тезисы диссертации П.П. Жеглова).

Председатель предоставляет слово оппоненту проф. Н.К. Пиксанову: проф. Н.К. Пиксанов подробно освещает все достоинства и недостатки работы. Подводя итоги Н.К. Пиксанов считает диссертанта П.П. Жеглова достойным ученой степени кандидата литературоведческих наук (подробнее см. отзыв проф. Н.К. Пиксанова).

Председатель представляет слово другому оппоненту — профессору А.С. Долинину. Остановившись на достоинствах и недостатках работы проф. А.С. Долинин признает диссертанта заслуживающим ученой степени кандидата литературоведения (подробнее смотри отзыв проф. А.С. Долинина).

Председатель предоставляет слово для защиты тов. П.П. Жеглову.

Тов. Жеглов соглашается со всеми указаниями, сделанными проф. Н.К. Пиксановым. Диссертант, однако, отнюдь не соглашается с возражениями А.С. Долинина по вопросам о кружке В.Г. Белинского и о кружке Дурова.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 2 – 3.

П.П. Жеглов выражает глубокую благодарность проф. Н.К. Пиксанову, проф. Долинину, акад. Орлову и А.Г. Дементьеву.

После совещания квалификационной комиссии председатель А.С. Орлов объявляет, что диссертация и ее защита признается удовлетворительной и заслуживающей ученой степени кандидата литературоведения.

Председатель

А. Орлов

Реорганизация ЛИФЛИ [Тихонов, 2021] замедлила официальное присвоение П.П. Жеглову кандидатской степени, и только 7 декабря 1937 года Ученый совет филологического факультета Ленинградского университета официально рассмотрел представление Н.К. Пиксанова о защищенной ранее диссертации: единогласно одиннадцатью голосами П.П. Жеглов был утвержден в степени кандидата литературоведения²⁰. В этот день Ученый совет заседал под председательством акад. И.И. Мещанинова, присутствовали на заседании акад. И.Ю. Крачковский, акад. В.М. Алексеев, профессора А.А. Фрейман, Н.К. Пиксанов, В.М. Жирмунский, Л.В. Щерба, П.Н. Берков, А.П. Рифтин, доценты Н.Н. Берников, Д.С. Комиссаров, М.И. Слуцкер (ученый секретарь).

После защиты диссертации и затем перехода осенью 1938 года в ЛГПИИЯ, П.П. Жеглов продолжал исследовательскую деятельность, перейдя к изучению М.Е. Салтыкова-Щедрина: готовил статью «Салтыков в Вятке» для юбилейного сборника ИРЛИ, также подготовил к печати рукопись «Салтыков-Щедрин 40-х годов» (частично он использовал эти материалы для докладов)²¹. В своих анкетах 1939 и 1940 годов он указывал, что «ведет научную работу в Институте литературы Академии наук», а летом 1940 года уже активно занимался написанием докторской диссертации, судя по отрывочным упоминаниям, о романе «Что делать?»²².

П.П. Жеглов вел активную лекторскую работу: сперва он читал лекции для школьников, но в 1940 году уже был сотрудником Ленинградского лектория, и ранее мы уже отмечали его имя среди лекторов Ленинграда [Дружинин, 2016], и здесь перечислим его выступления: 17 января 1940 года — «Годы революционного подъема и первая

²⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 1.

²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 580. Л. 28 (справка директора 29 средней школы в ЛГУ, 10 февраля 1938 г.)

²² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1 – 91. Д. 723308-А. Л. 2.

русская революция в художественной литературе» (Ленинградский лекторий); 11 января 1941 года — «Предшественники Пушкина» (Парткабинет Октябрьского райкома ВКП(б)); 27 марта 1941 года — «Салтыков-Щедрин» (ЛГК); 20 апреля 1941 года — «Горький» (Лекторий горкома ВКП(б); 29 мая и 1 июня 1941 года — «Литература Советской Украины: Ванда Василевская» (там же).

Лекционная работа была обязательной частью давнего стремления П.П. Жеглова вступить в ряды ВКП(б), причем собственная биография ему этот поступок и диктовала, и одновременно оказывалась серьезной помехой. Однако в 1939 году он наконец начал свой кандидатский стаж: в числе рекомендовавших его был П.А. Ефимов, уполномоченный Ленгороблита (то есть цензор), который знал П.П. Жеглова с 1933 года по ЛИФЛИ, а партком 2 ЛГПИИЯ отмечал, что П.П. Жеглов «хорошо развит политически, проявил себя передовым, сознательным и активным работником, могущим принести пользу партии в деле построения коммунизма»²³. Описание партсобраний от 2 июня не только дополняет биографию ученого (не все утверждения подтверждаются анкетными данными), но и дает нам представление о тех трудностях, которые предстали перед кандидатом:

ВЫПИСКА

из протокола партийного собрания № 12 2-го Педагогического института иностранных языков от 2-го июня 1939 года²⁴.

СЛУШАЛИ:

1. Прием в кандидаты в члены ВКП(б) тов. Жеглова Петра Петровича, год рождения 1901. <...>

Тов. Жеглов рассказывает свою автобиографию.

Отец Жеглова был ссыльный на Сахалине. В 1900 году семья вернулась в Хабаровск, отец все время работал по найму. Сознательная жизнь Жеглова началась очень рано, работал чернорабочим. 1917 год — учился в начальном училище. 1918 год — ушел со своими братьями в партизанский отряд. В этом же году был арестован. В январе 1920 года весь батальон, и он в том числе, ушли к красным и впоследствии были сданы в армию Колчака. До 4-го апреля 1920 года служил в 2-м советском полку. Был контужен. В 1921 году поступил

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1 — 91. Д. 723308. Л. 6 об.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1 — 91. Д. 723308. Л. 10.

в педтехникум. Осенью 1921 года вновь ушел в партизанский отряд и принимал участие в бою под Волочаевкой. В 1924 году был взят в Красную Армию, где пробыл до 1927 года. В 1927 году были две попытки поступить в Университет, но неудачно, пришлось кончать заочный институт и только в 1932 году удалось поступить в Ленинградский университет, где и закончил аспирантуру.

Вопрос 1: Отец был политический каторжный?

Ответ: Отец был сослан на каторгу за нападение на стражников.

Вопрос 2: Когда семья вернулась из Сахалина?

Ответ: <В 1900 году>

Вопрос 3: Где служил в Красной Армии?

Ответ: Во 2-м Нерчинском полку.

Вопрос 4: Как произошел переход от Колчака к Красным?

Ответ: Весь батальон ушел к Красным.

Вопрос 5: Против Красных не сражались?

Ответ: Нет, не сражался.

Хотя в тот момент П.П. Жеглову выдали кандидатскую карточку, однако через год, когда уже надлежало стать полноправным членом партии, после утверждения первичной парторганизацией он не был утвержден райкомом ВКП(б), и до конца своих дней так и остался кандидатом в члены партии.

**Постановление Октябрьского райкома ВКП(б) г. Ленинграда,
29 ноября 1940 г²⁵.**

Строго секретно.

Октябрьский районный комитет ВКП (б) г. Ленинграда.

Выписка их протокола № 60 заседания бюро РК ВКП(б)
от 29 ноября 1940 г.

СЛУШАЛИ:

5. О приеме в члены ВКП(б) т. Жеглова П.П.

Парторганизация 2 Пединститута иностранных языков.

²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1 – 91. Д. 723308. Л. 1. Машинопись на бланке, 2-й экземпляр (без подписей).

ЖЕГЛОВ, Петр Петрович, г.р. 1901, национальность русский, соцпроисхождение из рабочих, социальное положение служащий, образование высшее. Работает во 2-м Пединституте иностранных языков с 1 октября 1938 г. в должности доцента. Трудстаж с апреля 1918 г. Кандидат в члены ВКП(б) с июня 1939 г.

Тов. Жеглов служил в армии Колчака с 18 ноября 1917 г. по 27 января 1920 г. С его слов к Колчаку он попал вместе с группой арестованных рабочих арсенала в г. Хабаровске. У белых находился в местечке Урочище-Славянке. Подтверждающих документов у тов. Жеглова в том, что он был мобилизован и служил в армии Колчака рядовым, нет. <...>

Парторганизация 2-го Пединститута иностранных языков решением партсобрания от 1 июля 1940 г. приняла т. Жеглова Петра Петровича в члены ВКП(б).

ПОСТАНОВИЛИ:

Отказать тов. Жеглову Петру Петровичу в приеме в члены ВКП(б) и предложить ему представить документы, подтверждающие, что он в армии Колчака служил по мобилизации рядовым.

К началу Великой Отечественной войны он жил вместе с женой Еленой Иосифовной Жегловой, 5 июля 1941 года ушел добровольцем на фронт, служил в звании лейтенанта командиром 122-миллиметровой минометной батареи 2 стрелкового полка 2 гвардейской стрелковой дивизии армии народного ополчения²⁶.

13 сентября 1941 года Петр Петрович Жеглов погиб в бою при защите Ленинграда в районе станции Гатчино [Книга памяти, 1994, с. 294]. Его товарищ, Григорий Осипович Берлинер, который пережил блокаду и эвакуировался после второй блокадной зимы в Иркутский университет по приглашению М.К. Азадовского, 20 мая 1943 года умер в пути на ст. Шамары Свердловской области вследствие сильного истощения [Никитин, 2007].

Список литературы

1. Амфитеатров 2003 — Амфитеатров А.В. «Дворянин» Достоевский // Амфитеатров А.В. Собр. соч.: в 10 т. / подг. к печ. Т.Ф. Прокопов. М.: Интелвак, 2003. Т. 10, ч. С. 57–74.
2. Белов 2011 — Белов С.В. Ф.М. Достоевский: Указатель произведений Ф.М. Достоев-

²⁶ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 595608. Д. 2. Л. 215об.

ского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. 755 с.

3. Блюм 2003 — Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: СПбГУКИ, 2003. 403 с.

4. Диссертации, 1955 — Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А.А. Жданова в 1934–1954 гг.: (Библиографический указатель) / сост. Н.Н. Кирикова и Е.П. Таубина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955.

5. Добровольский, 1962 — Добровольский Л.М. Запрещённая книга в России, 1825–1904: Архивно-библиографические разыскания. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1962. 254 с.

6. Дружинин, 2015 — Дружинин П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы: (Группа XVIII века в ИЛАЗВ и ГИРК) // Русская литература. 2015. № 2. С. 230–241.

7. Дружинин, 2016 — Дружинин П.А. Ленинградские филологи в публичных лекциях: 1940-е годы. Хроника // Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова / ИРЛИ РАН; СПбИИ РАН. СПб.: Росток, 2016. С. 343–371.

8. Жеглов, 1939 — Жеглов П.П. Литературные взгляды петрашевцев // Ученые Записки ЛГУ. Вып. 47: Серия филологических наук. 1939. Вып. 4 / отв. ред. Г.А. Гуковский. С. 198–220.

9. Катерли, 1936 — Катерли Е. Враг на важнейшем участке идеологического фронта // Ленинградская правда. 1936. № 200, 30 августа. С. 2.

10. Книга памяти, 1994 — Книга памяти: Ленинград, 1941–1945. СПб.: Правительство С.-Петербурга, Нотабене, 1994. Т. 1. 514 с.

11. Мицкевич, 1936 — Мицкевич С. Как не надо писать вступительную статью: [Рец. на кн.: Достоевский Ф. М. Записки из Мервого дома. Вступ. статья Г. Берлинера] // Литературный критик. 1936. Кн. 4, апрель. С. 228–231.

12. Никитин, 2007 — Никитин Е.Н. Берлинер Григорий Осипович (1899–1943) / Историки русского освободительного движения: Материалы к биобиблиографическому словарю / сост. А.В. Ратнер // Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера / сост. А.И. Рейтблат и А.П. Шикман. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 398–399.

13. Тихонов 2021 — Тихонов И.Л. Ленинградский историко-лингвистический институт: От кризиса к возрождению исторического образования // Вече: Ежегодник русской философии и культуры. 2021. № 33. С. 215–230.

14. Эйгес, 1936 — Эйгес И. Рец. на кн.: Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Вступ. статья Г. Берлинера // Детская литература. 1936. № 2, февраль. С. 58–61.

15. Khan, 1998 — Khan H.R. Doctoral Dissertations in the United States, Canada and the Former Soviet Union on Fedor Dostoevsky, 1921–1996 // Russian Language Journal = Русский язык = Études de russe. 1998. Vol. 52, no. 171/173 (Winter-Spring-Fall 1998). P. 307–338.

References

1. Amfiteatrov, A.V. “‘Dvorianin’ Dostoevskii” [“‘The Nobleman’ Dostoevsky”]. Amfiteatrov, A.V. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Collected Works: in 10 vols], vol. 10, part 2. Ed. by T.F. Prokopov. Moscow, Intelvak Publ., 2003, pp. 57–74. (In Russ.)

2. Belov, S.V. *F.M. Dostoevskii: Ukazatel’ proizvedeniy F.M. Dostoyevskogo i literatury o nem*

na russkom iazyke, 1844–2004 [Dostoevsky: Index of Works by F.M. Dostoevsky and Literature About Him in Russian, 1844–2004]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)

3. Blum, A.V. *Zapreshchennye knigi russkikh pisateley i literaturovedov, 1917–1991: Indeks sovetской tsenzury s kommentarii* [Forbidden Books by Russian Writers and Literary Scholars, 1917–1991: Index of Soviet Censorship with Commentary]. St. Petersburg, SPbGUKI Publ., 2003. 403 p. (In Russ.)

4. Kirikova, N.N., editor. *Dissertatsii, zashchishchennye v Leningradskom Ordena Lenina Gosudarstvennom universitete imeni A.A. Zhdanova v 1934–1954 gg.: (Bibliograficheskii ukazatel')* [Dissertations Defended at the A.A. Zhdanov Leningrad Order of Lenin State University in 1934–1954: (Bibliographic Index)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo un-ta Publ., 1955. 256 p. (In Russ.)

5. Dobrovolskii, L.M. *Zapreshchonnaia kniga v Rossii, 1825–1904: Arkhivno-bibliograficheskie razyskaniia* [Forbidden Books in Russia, 1825–1904: Archival and Bibliographic Study]. Moscow, All-Union Book Chamber Publ., 1962. 254 p. (In Russ.)

6. Druzhinin, P.A. “Izuchenie russkoi literatury XVIII veka v 1920-e gody: (Gruppa XVIII veka v ILYAZV i GIRK)” [“Study of Russian Literature of the 18th Century in the 1920s: (The 18th Century Group at ILYAZV and GIRK)”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2015, pp. 230–241. (In Russ.)

7. Druzhinin, P.A. “Leningradskie filologi v publichnykh lektsiakh: 1940-e gody. Khronika” [“Leningrad Philologists in Public Lectures: the 1940s. Chronicle”]. *Ostrova liubvi BorFed: Sbornik k 90-letiu Borisa Fedorovicha Egorova* [Islands of Love of BorFed: Collection for the 90th Anniversary of Boris Fedorovich Egorov]. St. Petersburg, IRLI RAS and SPb IRI RAS Publ., 2016, pp. 343–371. (In Russ.)

8. Zheglov, P.P. “Literaturnie vzgliady petrashevtsy” [“Literary Views of the Petrashevites”]. *Uchenie Zapiski LGU*, no. 47, issue 4, 1939, pp. 198–220. (In Russ.)

9. Katerli, E. “Vrag na vazhneishem uchastke ideologicheskogo fronta” [“The Enemy on the Most Important Section of the Ideological Front”]. *Leningradskaiia Pravda*, no. 200, 1936, 30 August, p. 2. (In Russ.)

10. *Kniga pamiati: Leningrad, 1941–1945* [Book of Memory: Leningrad, 1941–1945], vol. 1. St Petersburg, Government of St. Petersburg Publ., Nota Bene Publ., 1994. 524 p. (In Russ.)

11. Mickiewicz, S. “Kak ne nado pisat' vstupitel'noi stat'iu. Rets. na kn.: Dostoevskii F.M. Zapiski iz Mertvogo doma. Vstup. Stat'ia G. Berlinera” [“How Not to Write a Foreword: Review of the Book: Dostoevsky, F.M. Notes from the House of the Dead. Preface by G. Berliner”]. *Literaturnyi kritik*, no. 4, 1936, pp. 228–231. (In Russ.)

12. Nikitin, E.N. “Berliner Grigorii Osipovich (1899–1943)” [“Berliner Grigory Osipovich (1899–1943)”]. Reitblat, A. I., and A.P. Shikman, eds. *Konspekt vremeni: Trudy i dni Aleksandra Ratnera* [Abstract of time: Works and days of Alexander Ratner]. Moscow, NLO Publ., 2007, pp. 398–399. (In Russ.)

13. Tikhonov, I.L. “Leningradskii istoriko-lingvisticheskii institut: Ot krizisa k vozrozhdeniiu istoricheskogo obrazovaniia” [“Leningrad Historical and Linguistic Institute: From Crisis to the Revival of Historical Education”]. *Veche: Ezhegodnyi Russkoi filosofii i kul'ture*, no. 33, 2021, pp. 215–230. (In Russ.)

14. Eiges, I. “Retsensia na knigu: Dostoevskii F.M. Zapiski iz Mertvogo doma. Vstup. stat'ia G. Berlinera” [“Review of the Book: Dostoevsky, F.M. Notes from the House of the Dead. Preface by G. Berliner”]. *Detskaia literatura*, no. 2, 1936, pp. 58–61. (In Russ.)

15. Khan, H. Rashid. "Doctoral Dissertations in the United States, Canada and the Former Soviet Union on Fedor Dostoevsky, 1921–1996." *Russian Language Journal* = *Русский язык* = *Études de russe*, vol. 52, no. 171/173 (Winter-Spring-Fall 1998), 1998, pp. 307–338. (In English)

Статья поступила в редакцию: 01.04.2025

Одобрена после рецензирования: 21.04.2025

Дата публикации: 25.09.2025

The article was submitted: 01 Apr. 2025

Approved after reviewing: 21 Apr. 2025

Date of publication: 25 Sept. 2025